

Иллирио Мопантис нечасто оказывался в таком тупике.

За свою довольно плодотворную жизнь он повидал многое. Случайная встреча и партнерство в молодые годы с Варисом, более печально известным как шпион короля Роберта «Паук», позаботились об этом. В последние годы он содержал двух последних Таргариенов, которые, по их мнению, были последними, чтобы внимательно следить за ними, как в своих интересах, так и в интересах Вариса.

У него было несколько планов на их счет, в основном для того, чтобы заменить его собственное положение, но все эти планы были довольно основательно перевернуты и разбросаны вчерашними событиями.

Дракон определенно был чем-то новым.

Он вспомнил, как видел, как он пролетел над городом, более массивный, чем он мог себе представить, и извергающий белый огонь в грандиозном проявлении своей ужасной силы. Он считал, что Визерис будет убит, пытаясь забрать зверя.

Ничто не могло подготовить его к тому, чтобы увидеть ребенка — мальчика, даже не мужчину, — спускающегося со спины дракона, как если бы это была просто лошадь.

Эйгон Таргариен. Последний выживший ребенок принца Рейгара. Предположительно. Едва ли это был первый случай, когда кто-то утверждал, что является давно потерянным отпрыском королевской семьи, чтобы присвоить себе богатство. Иллирио уже много раз видел подобное. Иногда он даже поощрял это — для собственной выгоды, конечно.

У него были подготовлены аргументы, чтобы отклонить такие претензии. От любого другого он мог бы отвернуться за считанные минуты. У него всегда был план на такие мероприятия.

Никакой план, который он мог бы придумать, не смог бы объяснить бесспорную преданность дракона мальчику. Само его присутствие говорило о его королевской крови. Во всяком случае, у него было даже больше прав на родословную Старой Валирии, чем у Визерис и Дейенерис.

Эйгон Таргариен и его дракон изменили игру. В какой степени, он еще не был уверен.

От сюжетов и планов тут же избавлялись, но Иллирио легко их отпускал. Этот ребенок может стать всем, на что они с Варисом надеялись, и даже больше, если они правильно разыграют свои карты. С ним нужно быть осторожным. Мальчик мог быть либо идеальным, либо их худшим кошмаром.

Если бы этот дракон хоть немного оправдал легенды, он был бы ужасом на поле боя.

Он знал, что Джорах Мормонт, несомненно, отправит свой отчет Варису о прибытии Эйгона и дракона Ледяного Огня, но Иллирио нужно было провести более тщательную оценку ребенка, прежде чем он отправит свои птичьи песни Пауку через море.

Магистр прибыл в зал, чтобы разговесться, и ненадолго остановился.

Эйгон сидел с Дейенерис. Напротив друг друга они ели и жадно разговаривали, улыбки и легкий смех легко переходили между ними. Сир Джорах стоял позади Дейенерис, как обычно, на страже.

Любопытно. Дейенерис была робкой и напуганной большую часть времени, которое Иллирио

знал ее. Гнев и вспыльчивость Визериса позаботились об этом. В последние недели ее предстоящая свадьба с кхалом Дрого сделала ее еще хуже.

Теперь она выглядела как распутившийся цветок, счастливая снова оказаться на солнце.

Они быстро заметили его прибытие, и взгляд мальчика остановился на его. Иллирио пришлось подавить дрожь. Глаза ребенка были интенсивными не по годам — темно-серыми, почти черными, задумчивыми и острыми, когда они смотрели на него. Он напоминал волка.

Время играть в игру с детьми.

«Магистр Иллирио», — поприветствовала его сегодня утром Дейенерис. Она выглядела почти счастливой, увидев его. «Пожалуйста, присоединяйся к нам.»

— С удовольствием, — он опустил голову, а затем посмотрел на мальчика, ища разрешения. — Если это вас устраивает, ваша светлость?

— Конечно, — ответил мальчик. Его глаза по-прежнему были прикованы к Магистру. «На самом деле, я не думаю, что мы были должным образом представлены вчера, не так ли? Разговор ускользнул от нас».

- Так и было, - подошел к ним Магистр, щелкнув пальцами слуге, который поспешил принести ему тарелку с едой и питьем. «Я Иллирио Мопантис, магистр Пентоса. Рад принять вас в своей обители, ваша милость».

— Я ценю ваше гостеприимство, — Эйгон опустил голову, улыбаясь в ответ. «Ты сделал добро моему Дому, присматривая за Дейенерис и Визерис».

— Ничего страшного, — махнул рукой Магистр. «Для меня большая честь размещать королевскую семью в моем городе».

Иллирио изучил одежду, которую носил Эйгон — свободную шелковую рубашку и бриджи, которые было гораздо легче носить в жару Пентоса, и то, и другое было роскошного качества. «Ваше одеяние вам идет, ваша милость. Надеюсь, в этом климате оно мягче для вас?»

— Очень даже. Мне... непривычно носить такую тонкую одежду, — он неловко поерзал. «Но я надеюсь, что со временем привыкну к этому. В конце концов, я не вернусь в Вестерос в ближайшее время».

— Если позволите, ваша светлость? Где именно в Вестеросе вы спрятались?

Эйгон поджал губы. «Глубоко на севере. Я не могу назвать вам точное место. Я бы не отказался от людей, которые спасли мне жизнь и вырастили меня».

— Уверю вас, ваша милость, я непревзойден в хранении секретов.

Мальчик повернулся и посмотрел на него. «Вы должны помнить, что я сказал вчера, магистр. Мне нелегко доверять. Я не собираюсь вас оскорблять, но я не буду отвечать на этот вопрос».

Это был твердый отказ, но тактичный. Иллирио опустил голову. «Конечно, ваша светлость. Я не хочу доставлять вам неудобства».

Плечи Эйгона немного расслабились. «Спасибо. Однако я могу сказать вам, что последние два года я провел большую часть своего времени к северу от Стены».

Это было неожиданностью. Иллирио в изумлении уставился на него. "К северу от Стены?"

«Да. Фростфайр стал слишком большим, чтобы прятаться к югу от него», — признал он. «Я увез ее на север, и там мы остались. Я рисковал путешествовать дальше на юг только в редких случаях, чтобы встретиться с теми, кто меня вырастил, чтобы узнать новости со всего мира. выживание».

Это была невероятно враждебная земля для... ну... любого, кто мог выжить. С драконом это, конечно, было возможно, но даже так...

«Кажется, твои опекуны приложили все усилия, чтобы скрыть тебя от мира», — заметил Иллирио.

Эйгон пожал плечами. "Я живой."

С этим не поспоришь.

«Как там за Стеной?» — с любопытством спросила Дейенерис, ее глаза сияли светом, которого Иллирио никогда раньше не видел. Удивительно, как быстро она привыкла к Эйгону, такой замкнутой она обычно была. «Самый дальний север, где я когда-либо был, — это Браавос».

— Это... ты не можешь себе представить холод, — тихо сказал Эйгон. «Он просачивается в ваши кости, и если вы не будете защищены и не согреетесь, когда наступит ночь, вы можете никогда не проснуться утром. Одичалые бродят на больших расстояниях, и они хорошо знают эти земли. Однажды они устроили мне засаду».

"Боже мой! Одичалые?"

«Да. Они вполне могли убить меня», — признал он. «Я убил только одного, прежде чем другой вонзил нож мне в плечо. В конце концов Frostfyre спас меня».

Дейенерис выглядела восхищенной рассказом, хотя и обеспокоенной, когда он сказал им, что был ранен. Эйгон вдруг улыбнулся. «Она невероятна. Вы бы видели ее — она слетела вниз и сшибла деревья, чтобы добраться до меня. После этого у одичалых не было ни единого шанса».

Иллирио почтил минутой молчания несчастных дураков, которые пытались выследить мальчика и были убиты драконом. Как жаль их.

«Ваша светлость, могу я узнать, как вылупился ваш дракон?»

Он нахмурился. «Хотел бы я знать. Мой отец каким-то образом понял это. Я не знаю точно, как это было сделано, но я не могу спросить его сейчас».

Ну, дерьмо.

"Позор. Ваши опекуны тоже ничего не знали?"

«Нет. Это была валирийская магия, насколько я знаю», — пробормотал он. Его темные глаза были далеко. «Они сказали, что дракон привязался ко мне, как только родился. Она моя сестра — или, во всяком случае, самое близкое, что у меня есть».

Иллирио погладил свою раздвоенную бороду. «Хм. К сожалению. Если бы мы только знали, как...»

Эйгон нахмурился и посмотрел на него. "Для чего?"

— Ну, — он прочистил горло. «Среди подарков, которые я намеревался преподнести принцессе Дейенерис на ее — теперь отмененную — свадьбу, есть три окаменевших драконьих яйца, которые мне удалось раздобыть».

Дейенерис ахнула, и глаза Эйгона заблестели. В тот момент им обоим было так любопытно; каждый бит дети они были. — Откуда они взялись?

— Земли теней, — ответил Иллирио принцессе. «Конечно, учитывая, что ты больше не замужем, я думаю, что должен просто подарить их тебе. Символ нашей дружбы, не так ли? Не то чтобы я мог что-то с ними сделать».

Он помахал слуге. «Принеси мне сундук с драконьими яйцами из даровой комнаты».

Они ждали слуг, потратив несколько минут на то, чтобы по-настоящему насладиться едой. Иллирио все еще нужно было поговорить с Эйгоном по другим вопросам, но пока они могли подождать.

Не так уж и долго, подумал он. Отмена свадьбы вызовет гнев кхала Дрого. В ближайшие недели на город нападут дотракийские крикуны.

Слуги быстро вернулись с темным сундуком и бережно поставили его на стол. Иллирио отослал их, чтобы они выполняли свои другие обязанности, и сам открыл сундук, обнажив три окаменевших яйца.

Один был темно-зеленым с бронзовыми крапинками. Второй был бледно-кремовым с золотыми прожилками. Третий был черным с алой рябью и завитками.

Иллирио первым поднял зеленое яйцо и передал его Эйгону, который благоговейно принял его. Он сделал то же самое для Дейенерис, подарив ей черный цвет. Крем остался в груди.

«Я никогда их не видела», — прошептала Дейенерис. «Когда я родился, никто не положил драконье яйцо в мою колыбель».

— Я тоже, — признался Эйгон, проводя пальцами по зеленому яйцу. «Я не знаю, где мой отец нашел яйцо, но его не было со мной при моем рождении».

Интересно, заметил Иллирио. «Я хотел бы предоставить вам живые яйца, но это лучше, что я мог получить. Единственным оставшимся живым драконом вполне может быть ваша самка, ваша светлость».

«...Я не думаю, что они мертвы».

Он посмотрел на Дейенерис и моргнул. Она смотрела на черное яйцо с необычайной напряженностью. «Мне тепло».

Иллирио протянул руку и положил руку на яйцо, но нахмурился. «Мое прикосновение холодное».

— Я тоже это чувствую, — пробормотал Эйгон. «В них есть жизнь».

Магистр осторожно посмотрел между ними, отметив, насколько оба ребенка Таргариена были сосредоточены на яйцах. Возможно, еще один пример магии в их валирийской крови? Для

Эйгона это неудивительно — в конце концов, дракон привязался к нему. Но то, что Дейенерис почувствовала жизнь в яйцах, было для него чем-то вроде неожиданности.

Она всегда была такой кроткой. Противоположность дракона, гордого и бесстрашного, каким его поразил Эйгон при их первой встрече. Конечно, мальчик был еще мальчиком, но он и Дейенерис не могли быть более разными, когда впервые встретились друг с другом.

Как очень, очень интересно...

«Возможно, вам двоим следует попросить Визериса присоединиться к вам для дальнейшего расследования этого явления», — предложил он, хотя про себя он думал, что мысль о том, что Визерис высиживает дракона, более чем тревожит его.

— Возможно, — Эйгон, казалось, вышел из своего странного транса и нахмурился, качая головой. "Но не сейчас."

Дейенерис кивнула, и они вернули яйца в сундук. Однако она не закрыла ее и стояла, водя пальцами по окаменевшим раковинам. «Должен быть способ ускорить их... Хотел бы я, чтобы мы знали больше о валирийской магии».

«В другой день мы отвезем их в Фростфайр вместе с Визерисом», — пообещал ей Эйгон. «Возможно, она сможет дать ключ к разгадке».

"Действительно?" Иллирио не мог скрыть своего скептицизма, но ему самому было любопытно.

«Кто лучше знает, как высидеть драконье яйцо, чем сам дракон?»

Справедливое замечание.

Иллирио швырнул в рот несколько виноградин и посмотрел на мужчину Таргариенов. «Ваша милость, я хотел бы и дальше развлекать вас этими захватывающими дискуссиями, но я действительно не могу игнорировать угрозу, которая вскоре постигнет моего возлюбленного Пентоса. Как только кхал Дрого узнает, что вы разорвали его помолвку с принцессой Дейенерис, его гнев ужасно. Он очень заинтересовался ею».

Дейенерис вздрогнула, и Иллирио увидел что-то в глазах Эйгона, что превратило спокойный серый цвет в темную бурю. «Я буду защищать город вместе с Фростфайром. Насколько я понимаю, вы договорились до того, как узнали о моем существовании, Магистр, и я знаю, что это поставило вас в затруднительное положение. Вы были добры к моему Дому. подвергнуться набегам дикарей».

«Пожалуйста, будьте со мной откровенны, ваша светлость. Как вы думаете, вы и ваш дракон сможете остановить тысячи — если не десятки тысяч — дотракийских крикунов?»

Он увидел намек на дракона, спящего глубоко внутри Эйгона, с блестящими глазами и хмурым ртом. — Вы когда-нибудь слышали об Огненном поле, мастер Иллирио?

— У меня есть, — кивнул он. «Эйгон Завоеватель выпустил всех трех своих драконов на дома Ланнистеров и Гарднеров. Но у него было три, а у тебя один. И хотя твой дракон большой, он еще не такой большой, как Балерион Черный Ужас».

«Возможно, нет, но дотракийцы никогда ее не ждут. Они не умеют сражаться с драконом, и ее появление испугает их лошадей. Прежде чем они успеют перегруппироваться, я прожгу их

ряды с небес. Я не планирую сражаться их справедливо. Мой дракон наиболее силен в воздухе, где их стрелы просто отскакивают от ее шкуры».

Мальчик снова взглянул на Иллирио. «Однако я хотел бы узнать об этом конкретном кхале и его кхалесаре. Как они сражаются и где они, скорее всего, нанесут удар. Это облегчит нам с Фростфайром борьбу с ними».

«Тот, кто обучал этого мальчика боям, знал, что делал», — подумал Иллирио. Он не говорил слепо о битве. Он понимал стратегию и преимущество.

Был ли он и его дракон на самом деле вместе испытаны в бою, это совсем другой вопрос, но он определенно хорошо разобрался в основах.

— Тогда я поговорю с тобой о кхале Дрого и его кхалесаре завтра, — ответил Иллирио, улыбаясь ребенку. Молодой человек кивнул. — Тем временем, я полагаю, вы выразили заинтересованность в изучении Пентоса, не так ли?

— Да, — признал он. Эйгон перевел взгляд с Иллирио на рыцаря, стоящего рядом с Дейенерис. «Но перед этим я думаю, что хотел бы поспарринговаться с сиром Джорахом. Прошло несколько недель с тех пор, как у меня была возможность попрактиковаться в фехтовании».

Между Эйгоном и Визерисом была еще одна разница. Дядя мальчика носил меч только для того, чтобы казаться «более царственным», как он выразился. Эйгон носил один, потому что знал, как им пользоваться.

Джорах удивленно моргнул, но опустил голову. — Для меня будет честью сразиться с вами, ваша милость.

Дейенерис, наконец, закрыла сундук, чтобы спрятать окаменевшие драконьи яйца. Пока они говорили о дотракийцах, она молчала — любое упоминание о кхале Дрого заставляло ее нервничать. — Полагаю, Визерис будет есть позже.

Иллирио опасался этого. Он знал, что прошлой ночью Визерис затащил к себе в постель женщину, несомненно, для того, чтобы снять напряжение с его организма. Она была одной из служанок, которые Магистр намеревался подарить Дейенерис на ее свадьбу — Дореа, не так ли? Светлые волосы, голубые глаза... не совсем как у Таргариенов, но, похоже, она пришлась по вкусу Визерису. Возможно, он еще не закончил с ней.

Иллирио предоставлял женщин и раньше, чтобы держать под контролем похоть Визериса, потому что он желал Дейенерис, даже когда они все еще планировали ее брак с кхалом Дрого. Она росла потрясающей красавицей, и Магистр хотел убедиться, что мужчина Таргариенов не сделает ничего... спонтанного по отношению к своей сестре. Дрого бы этого не оценил.

Не то, чтобы это сейчас имело значение.

Но его беспокоило то, что Визерис еще не показался, и по выражению лица Эйгона он мог сказать, что тот был так же насторожен. Визерис ушел в свои покои во время тихой бури, его мир перевернулся с ног на голову внезапным прибытием племянника и дракона.

Вчера он был королем. Король-нищий, но тем не менее король. Теперь он был просто еще одним мужчиной Таргариенов. У настоящего короля был дракон.

Его ревность и неуверенность были бы огромными. Нет, сейчас Иллирио нужно внимательно

следить за Визерисом. Было бы неправильным оставить его наедине с собой.

— Сир Джорах, не могли бы вы встретиться со мной во дворе минут через десять? — спросил Эйгон. «Нам также понадобится пара боевых мечей. Но я хотел бы поговорить с Дейенерис и мастером Иллирио наедине».

Джорах нерешительно кивнул, а затем быстрым шагом удалился. Иллирио жестом приказал слугам выйти из комнаты, заинтересовавшись внезапной просьбой.

Когда они остались одни, Эйгон перевел взгляд с Иллирио на Дейенерис. «Будьте честны со мной. Как сейчас Визерис? Вы двое знаете его лучше, чем я».

Опасный вопрос.

— Он... — Дейенерис закусил губу. Она посмотрела на Иллирио, но он ничего не сказал. «Он зол. Очень зол».

— Достаточно зол, чтобы причинить тебе боль?

Она замерла, и Иллирио бросил на него недоверчивый взгляд, но взгляд мальчика не отводил от принцессы. К его изумлению, Дейенерис кивнула. Он знал, что Визерис прежде ударил его сестру в гневе, но она никогда не признавалась в этом.

— Остайся сегодня со мной, — тихо сказал он ей. «Или столько времени, сколько ему потребуется, чтобы успокоиться. Никуда не ходи один».

— Ваша светлость, конечно, это слишком...

Эйгон покачал головой, пристально глядя на Иллирио. «Я знаю, что у Визериса была тяжелая жизнь, но я никогда не позволю ему победить Дейенерис. Я хочу дать ему презумпцию невиновности, он мой дядя. какие они...»

Иллирио поджал губы. Он должен был признать это. Эйгон был вынужден издать закон сразу же по прибытии, и Визерис внезапно обнаружил, что его власть полностью лишена его. Это было быстро и резко, но необходимо для того, чтобы мальчик зарекомендовал себя как новый повелитель Таргариенов.

Это не значит, что это не опасно. Визерис был не так плох, как его отец, но у него определенно был потенциал. Он не был принцем Рейегаром, который, несмотря на все свои недостатки, был, по крайней мере, рациональным.

— Его гнев может утихнуть через несколько дней, — тихо признался Иллирио.

«Тогда мы будем следить за ним, но он никогда не поднимет руку ни на Дейенерис, ни на кого-либо еще. Если позволить ему бить и запугивать людей, это сделает его только хуже».

Мальчик был прав. Раньше Иллирио было все равно, потому что он считал Визерис безнадежным делом. Эйгон был готов попытаться улучшить своего дядю. Магистр не верил, что ему это удастся, но отдал должное мальчику; по крайней мере, он пытался. Более боязливые люди, новички в своем положении, могли бы изгнать Визериса или даже убить его.

Эйгон пытался быть справедливым. Варис хотел бы этого. Иллирио точно знал.

Справедливость была чертой хорошего правителя.

Это было не все, что он хотел знать о ребенке, но это было хорошее начало. Вскоре будет больше разговоров. Сейчас он проверит Визериса, пока Эйгон спаррингует с сиром Джорахом, и подумает, какие еще темы следует обсудить, прежде чем им нужно будет обсудить предстоящее нападение дотракийцев.

Дэни пошла с Джоном во двор, где он должен был тренироваться с сиром Джорахом. Ее мысли были тяжелыми — тяжелыми от беспокойства по поводу гнева ее брата, гнева кхала Дрого и многих других вещей.

Они были одни на несколько коротких мгновений по пути во двор, и Джон взял ее за руку, заставив подпрыгнуть. Он внимательно наблюдал за ней, слегка наклонив голову. Морщина его бровей была обеспокоена.

"Как дела?"

— Я... — Дени замолчала, не зная, как лучше ему ответить.

Он сжал ее руку, и она сжалась в ответ, прижавшись к нему на секунду. «Я не знаю, смогу ли я сегодня спокойно заснуть в своих покоях, зная, как разъярен Визерис».

Джон замолчал на несколько секунд. — Если я попрошу об этом сира Джораха, он будет охранять твою дверь. Я могу дать ему разрешение не пускать Визериса. Или ты можешь остаться со мной.

Дени скривила губы, чувствуя искру того озорства, которое она часто делала вокруг него в их Драконьих снах. — Вы, конечно, не пытаетесь заманить невинную девушку в свою постель, ваша милость?

Его щеки покраснели, и она улыбнулась ему. Джон попытался — и не смог — не надуться и отвернуться от нее. «Я только предлагал...»

— Если тебе это удобно, я останусь с тобой.

Голова Джона резко повернулась к ней, широко распахнутые глаза. — Ты уверен? Если ты не...

— Я доверяю сиру Джораху, — призналась она. «Но я бы чувствовал себя спокойнее, если бы не был один».

— Если это твое желание.

— Так и есть, — прошептала Дени, улыбаясь ему. Он вернул его, но остановился, когда она снова ухмыльнулась. «Лишь бы руки не разбежались».

«Ты угроза».

Она рассмеялась, и они разошлись, пройдя оставшееся расстояние до двора.

Сир Джорах уже ждал с двумя боевым мечом. Теперь он раскачивал одну, проверяя ее вес, в то время как другая была прислонена к одной из колонн, ограждающих двор. Он выглядел удивленным, когда они появились, Дэни все еще хихикала от того, что поддразнивала Джона. Она остановилась у одной из колонн и смотрела, как ее подруга выходит навстречу Джораху.

Молодой мужчина Таргариенов взялся за другой боевой меч и тоже начал проверять его вес, затем нахмурился. Он посмотрел на свою тунику.

«Это будет крутиться повсюду, когда мы будем драться», — пробормотал он.

Джорах нерешительно ухмыльнулся. «Мастер Иллирио предпочитает удобство практичности».

— Ммм, — Джон нахмурился еще сильнее. Он отложил меч в сторону, и на мгновение Дени показалось, что он собирается пойти и переодеться в своих покоях, но потом он просто поднял тунику через голову. Он сложил его и отложил в сторону, оставив грудь обнаженной.

Она старалась не смотреть, но ее глаза изучали его из любопытства. Он был бледным и худым, а мускулы его туловища были крепкими от фехтования и верховой езды на драконах. Из-за светлой кожи его темные волосы и глаза выделялись больше, делая их почти черными по сравнению с ним.

Он несколько раз взмахнул боевым мечом теперь, когда освободился от свободной шелковой одежды, и через несколько мгновений кивнул. "Это будет делать."

— Когда будете готовы, ваша светлость, — предложил Джорах.

Джон сначала схватил меч одной рукой, двигаясь с Рыцарем по кругу друг вокруг друга. Хотя Джорах был крупнее, Джон был худощавым и почти наверняка быстрее. Как медведь и волк, рассеянно подумала она.

Джон сделал притворный выпад, а затем сразу же нырнул в атаку, приманка и подмена вызвала раздражение даже у Джораха, но он достаточно легко блокировал удары. Они помолвились на несколько секунд, затем расстались, снова кружась. Оценивая друг друга. Дени смотрела с интересом; она никогда в жизни не видела много фехтования.

На этот раз Джорах атаковал, отбросив кончик меча Джона в сторону, а затем легонько постучал его по плечу. Она подпрыгнула от скорости удара и подумала, насколько серьезным мог быть такой удар, если бы они использовали настоящие клинки.

Глаза Джона сузились, но не от гнева из-за того, что его ударили. «Не будь со мной нежным, сир Джорах».

"Ваша милость?" — неуверенно спросил Рыцарь.

«Враг не облегчит свои удары, и мы тоже. Так я всегда тренировался».

Джорах изучал его несколько мгновений, прежде чем кивнуть. Дени нахмурилась. Что это значит?

Когда они в следующий раз вступили в бой, Джорах ударил с гораздо большей силой. Он чуть не взорвал защиту Джона, но мальчик нырнул мимо Рыцаря и сумел нанести скользящий удар ему в бок. Джорах развернулся и ударил Джона по спине с размаху, отчего его голая кожа с громким треском затрещала.

Дени ахнула, но Джон только зашипел, развернулся с огнем в глазах и вступил в бой с Джорахом по полной. Они сражались во дворе, нанося удары, рубящие удары и порезы, нанося удары друг другу всякий раз, когда могли.

Джон, казалось, набирал скорость и силу, пока они сражались. Она вспомнила, что он не дрался несколько недель — возможно, он стряхивал с себя ржавчину, накопившуюся за время бездействия.

Он нырнул мимо удара, который чуть не ударил его по шее, и вонзил свой боевой меч в основание позвоночника Джораха. Рыцарь хмыкнул, поморщился и попятился прочь.

Они отступили, тяжело дыша. Оба уже были покрыты потом — Джон более явно с обнаженным торсом.

— Вот моя спина, — усмехнулся Джорах.

— Не будь со мной мягким, медведь, — бросил вызов Джон. — Как ты будешь охранять принцессу?

Это, казалось, несколько закалило Рыцаря. Они столкнулись друг с другом и снова атаковали.

Эйгон вздрогнул, покачивая плечами, пока они с Дени шли по улицам Пентоса, а сир Джорах следовал за ними.

— Я удивлена, что ты вообще можешь ходить после всего этого, — сухо сказала ему Дени.

«У меня закончилась практика. Мне нужно больше спарринговаться», — вздохнул он. Давненько его так не избивали. Он нанес несколько хороших ударов по Джораху, но, учитывая все обстоятельства, он «умер» больше, чем был полностью доволен.

Сегодня он точно ляжет спать больным.

Она показывала ему то, что видела в городе за время своего пребывания в Пентосе. Хотя Дейенерис в основном оставалась в особняке Иллирио, она несколько раз исследовала его со своей охраной.

Прямо сейчас они направлялись к гавани в западной части города. Эйгону никогда прежде не доводилось видеть вблизи Пентос корабли, подобные тем, что стояли в доках. Он был в Белой Гавани всего один раз в жизни с дядей Недом, и то было много веков назад.

Он заметил много мужчин с крашеными, намазанными маслом и раздвоенными бородами. Иллирио был одним из таких примеров такой практики, и, похоже, это было обычным явлением в Пентосе. Это было не в его вкусе, но было интересно посмотреть.

На улицах также была распространена музыка, барды пели песни на языках, как знакомых, так и незнакомых ему. Он слышал, как одна женщина поет на Высоком Валирийском, и слушал текст до тех пор, пока они могли ее слышать. Ему было интересно, знает ли Дэни какую-нибудь из песен, которые они пели.

Она привела их на рынок, где продавцы продавали свежие продукты, безделушки и ряд других вещей, от которых Эйгон немного потерялся. Пока они шли, она рассказала ему все, что знала о городе, который последние два года называла домом. Все, от людей и культур, его истории и того, как он сравнивается с другими вольными городами, в которых она останавливалась.

У Пентоса была история рабства, которое не одобрялось, но ему удавалось до некоторой степени обходить правила. Слугам платили, но расходы на их еду и жилье были намного больше, и они залезли в долги перед своими хозяевами.

Ему было интересно, сколько слуг Иллирио на самом деле были рабами. Он попытался пока избавиться от этой мысли и сосредоточился на том, чтобы слушать нетерпеливый рассказ Дени. В данный момент он не мог ничего с этим поделать.

"Что вы думаете?" — подсказала Дени.

— Их много, — признал он, удивленный всем этим. «Я никогда раньше не был в большом городе».

— Многовато для мальчика, выросшего в глуши? Она дразнила. Он закатил глаза, ухмыляясь.

"Я буду управлять."

Один из продавцов поймал его взгляд, и он моргнул, увидев большую коллекцию ожерелий и браслетов из ракушек, переплетенных тонкими нитями, которых он никогда раньше не видел. Раковины были белые и маленькие; красивые вещи, которые он видел только на берегах, где он разбил лагерь, когда путешествовал в Эссос.

— Видишь что-нибудь, что тебя интересует, мальчик? Хозяйка, пожилая женщина с седеющими светлыми волосами, встряла на ублюдочном валирийском языке. Эта вариация языка все еще была несколько чужда Эйгону, но он мог собрать ее воедино достаточно хорошо.

— Просто смотрю, — ответил он, поморщившись от того, как это звучало.

Ее глаза весело сверкнули, и она переключилась на высокий валирийский. "Не из этих мест, не так ли?"

— Нет, — признал он, немного радуясь тому, что она знала вариант, с которым он был более знаком. Дени остановилась вместе с ним и тоже смотрела на ракушки, любопытствуя о них. Он почти не сомневался, что она видела их раньше, но Эйгон также сомневался, что она могла так часто ходить вдоль береговой линии. Визерис отказал ей в такой свободе. Особняк Иллирио был прекрасной клеткой во всем, кроме названия.

"Видишь что-нибудь, что тебе нравится?"

«Они все прекрасны», — сказала она.

Эйгон на мгновение поджал губы, затем взглянул на продавца. «Вы принимаете монеты Вестероса?»

Она удивленно моргнула. — Да. Мой муж ездит в Вестерос и обратно, чтобы торговать нашими более дорогими товарами. Что у вас есть?

Он принес с собой монету, которую отобрал у воров у Гнезда. Эйгон был несколько параноиком оставлять деньги в особняке Иллирио без присмотра.

Он чувствовал, что это решение было совершенно рациональным, большое спасибо.

"Не так много", он показал ей, что у него было. "Могу ли я купить что-нибудь на это?"

Она пересчитала деньги, а затем посмотрела на свои товары, прежде чем указать на несколько браслетов из ракушек. «Это одни из моих самых простых работ, но они сделаны так же хорошо, как и другие».

Эйгон посмотрел на Дени. "Хочешь один?"

Ее лицо осветилось. «Я бы не сказал нет».

Он передал женщине монеты, и она дала ему один из браслетов из ракушек. Эйгон предложил его Дени, которая подняла правую руку, чтобы он надел ее на запястье. Он так и сделал, стараясь не слишком сосредотачиваться на ощущении своих пальцев на ее коже, и отпустил, когда она была в безопасности.

Она подняла его, поворачивая руку, чтобы изучить его с широкой улыбкой на лице. "Это прекрасно."

Он слегка улыбнулся ей в ответ, поблагодарил продавца, и они пошли дальше.

Ближе к вечеру Дени выехала верхом с Джоном и Джорахом, чтобы проверить Фростфайра, который гнезвился на холме к северу от города. Она вернулась с охоты, и Джон хотел посмотреть, как она себя чувствует.

Им потребовалось некоторое время, чтобы добраться до нее, но она была не так далеко, как когда Джон впервые прибыл в Пентос.

Они остановили лошадей неподалеку и спешили. Джон передал поводья своей лошади Джораху, а затем предложил руку Дейенерис. — Хочешь с ней познакомиться?

Она с готовностью кивнула и приняла предложенную руку. Сир Джорах выглядел менее взволнованным этой идеей.

«Ваша светлость, вчера дракон агрессивно отреагировал на Визериса. Как вы думаете, это мудро?»

— Я буду с ней, — пообещал Джон. «Дейенерис не причинят никакого вреда. Я уже обещал тебе это, не так ли? Я бы не привел ее сюда, если бы думал, что Фростфайр угрожает ей».

Рыцарь медленно кивнул. — Как скажете, ваша светлость.

«Со мной все будет в порядке, сир Джорах», — пообещала Дени. Он выдавил неловкую улыбку, глядя мимо них на белого дракона, ожидающего двух Таргариенов.

Джон привел ее к Фростфайру, который грыз кости одного из ее последних убийств. Она подняла глаза, когда они подошли, и тихо зарычала в знак приветствия. Звук прошел прямо сквозь Дени, заставив ее вздрогнуть. Это было глубоко и мощно.

Дракон встряхнулась, и серые оборки на ее шее зашевелились. Дени смотрела на нее с восхищением; Фростфайр редко был так оживлен в их Dragon Dreams.

"Как она?"

Джон поднял свободную руку, и дракон опустил морду, чтобы нежно коснуться его. Он погладил ее чешуйки, и она издала трель, наблюдая за ними. «Она любит юг. Там тепло. Я думаю, что для нее это гораздо комфортнее, чем та жизнь, которую она прожила за Стеной».

Фростфайр фыркнул на них, обдувая парочку юных подростков теплым воздухом. Дракон перевела взгляд со своего Наездника на Дени, слегка наклонив голову.

Дени посмотрела на Джона, который ободряюще кивнул. Она подняла руку, ненадолго подержала ее, чтобы Фростфайр понюхал, а затем медленно положила ее на бронированную шкуру дракона. Мускулы Фростфайр дернулись от ее прикосновения, и она издала низкий звук,

почти похожий на мурлыканье. Зрачки дракона сужались и расширялись, пока она изучала Дени, ясно ощущая магию в ее валирийской крови.

— Она теплая, — прошептала Дени. «Я очень хотел встретиться с тобой, Фростфайр».

Джон одарил ее косой улыбкой. Его руки переместились с морды ниже подбородка дракона, царапая там чешую. Когда он заговорил в следующий раз, его голос был небрежным.

— Ты хочешь летать?

Глаза Дени расширились. Она повернулась, чтобы посмотреть на Джона, затем на дракона. "Я никогда..."

— Я тоже, — признался он. "Пока я не сделал."

Она снова посмотрела в аметистовые глаза дракона, которые сияли, как драгоценные камни. — Она позволит мне?

— Она будет, если я буду с тобой.

Сердце Дэни уже начало подниматься. "Покажи мне, как пройти?"

Джон усмехнулся, вся проблема и волнение. Он направил Дэни вокруг головы Фростфайра к ее крылу. Зная, чего хочет ее Наездник, дракон низко пригнулся, чтобы им было легче взобраться на нее.

Джон должен был помочь Дени удержать равновесие, пока они поднимались на большом крыле к спине Фростфайра. На ней была прекрасная туника и бриджи — более удобные для долгих прогулок и верховой езды — так что, по крайней мере, она не пыталась взобраться на дракона в платье, но оно все равно было для нее новым. Фростфайр почти не шевелилась под ними, но время от времени двигалась, из-за чего Дени казалось, что она вот-вот потеряет равновесие.

Но они добрались до спины. Джон помог Дэни сесть между оборками у основания шеи Фростфайра, а сам сел позади нее. Он потянулся вокруг нее, и она почувствовала, как передняя часть его тела прижалась к ее спине. От этого ощущения у нее чуть не перехватило дыхание. Он был теплым и твердым позади нее, и она едва могла думать, когда он протянул руку и направлял руки Дени своими. Вместе они ухватились за пару шипов между оборками. Фростфайр переместился под ними, пригнувшись, готовясь взлететь.

"Готовый?" Рот Джона был близко к ее уху, его голос был низким. Волосы на ее шее встали дыбом, и она только кивнула, не в силах говорить.

"Совес!"

По команде Джона дракон взревел и взмыл в небо. Дени ахнула, когда мощное тело под ними поднялось и упало мощными волнами, крылья создавали глубокие хлопки ветра, когда Фростфайр поднимался.

Руки Джона схватили ее за шипы Фростфайра, и он отвел их назад, побуждая дракона подняться немного выше. Она запела в ответ, и они набрали высоту. Прежде чем Дени успела это осознать, они мчались к Пентосу.

Фростфайр слегка наклонилась влево, и ее сердце екнуло, заставив Дени вскрикнуть. Джон

уткнулся подбородком ей в плечо и снова сказал ей на ухо, громче из-за свиста ветра. «У меня есть ты! Я не позволю тебе упасть!»

Дракон выровнялся, пока они парили над Пентосом, и Дэни услышала крики внизу. Фростфайр проигнорировал испуганных горожан и затрубил, направляясь прямо к гавани.

Дени смотрела широко раскрытыми глазами, как они пролетали над самыми высокими парусами самых больших кораблей. Матросы завопили под ними в шоке, и она головокружительно рассмеялась. Казалось, никто еще не привык к присутствию дракона в их городе.

Джон толкнул их руки вперед, и Фростфайр нырнул, когда они миновали все корабли. Она ныряла до тех пор, пока они не летели так близко к воде, что Дени иногда чувствовала, как взмахи крыльев дракона летят на ее кожу тонким туманом.

— Полетим в Вестерос? — спросил он в шутку. Она снова рассмеялась и покачала головой. "Где тогда?"

"Выше!"

"Выше это!"

Фростфайр взревел, и они вместе потянули ее за шипы, побуждая дракона снова взобраться в небо. Она летела вверх по спирали, извиваясь и поднимаясь, пока Пентос не стал крошечным под ними.

Они выровнялись чуть ниже облаков, и у Дейенерис возникло самое нелепое желание прикоснуться к ним. словно почувствовав, чего она хочет, Джон отпустил одну из ее рук и крепко обнял ее за талию правой рукой. "Продолжать!"

Дени отпустила позвоночник и махнула рукой сквозь облако, удивившись, когда ее пальцы только что прошли сквозь него. Они были влажными и холодными и оставляли тонкий слой росы на ее коже. Она прикоснулась к нему лишь на несколько секунд, потому что Фростфайр решил немного свернуть влево от них, в сторону города. Она ахнула и быстро вернула руку к позвоночнику. Рука Джона сжалась вокруг нее, а затем присоединилась к ее руке, чтобы помочь направить дракона.

Ей хотелось, чтобы он держал его при себе.

Губы Джона внезапно снова приблизились к ее уху, и его голос был полон озорства. "Держись крепче."

Он вдруг толкнул их руки вперед. Фростфайр склонила голову к земле, сложила крылья и упала .

Дейенерис закричала.

Она смотрела, как земля несется к ним быстрее, чем она могла себе представить. Ее плечи начали ломаться, и на мгновение она испугалась, что у нее случился припадок, пока до нее не дошло, что она смеется .

Они потянули за шипы, и крылья Фростфайра снова расправились, ловя воздух и замедляя спуск. Спина дракона выгнулась дугой, крепко прижимая Джона к телу Дени, пока она

поднималась, выравниваясь над равнинами к востоку от Пентоса. Дэни все еще безудержно смеялась, ее глаза наполнились слезами от порывов ветра, но она улыбалась так сильно, что у нее заболели щеки.

Джон тоже смеялся ей в ухо, и дракон издал нетерпеливую трель. Они покатали ее на север и запад, обратно в ее гнездо. Когда они подошли ближе, Дени заметила Джораха с лошадьми в виде крошечных пятнышек на земле.

Он немного потянул шипы назад, и Фростфайр замедлился, крылья стали хлопать сильнее, когда их импульс иссяк, и они начали снижаться. Когда она была готова приземлиться, дракон просто опустил ноги на склон холма, а затем быстро сложил крылья, чтобы приземлиться на ее суставы парой внезапных ударов. Фростфайр встряхнулась и издала рев, как только снова оказалась на земле.

У Дени перехватило дыхание, ее сердце колотилось так сильно, что она чувствовала его пульс каждым дюймом своей кожи, и она чувствовала себя совершенно потрясенной. Она медленно повернула голову к Всаднику дракона. Он все еще был прижат к ее спине, наблюдая за ее лицом с широкой улыбкой.

Его темные волосы превратились в растрепанный ветром беспорядок. Его лицо покраснело. Блеск в его глазах был совершенно озорным.

Он выглядел катастрофой, и она подумала, что может полюбить его.

«Ты полностью испортил мне лошадей, Джон Сноу».

Джон расхохотался, и Дэни решила, что никогда не хочет слезать с этого дракона.

Ужин был щедрым, чего Эйгон и ожидал, но не до такой степени.

Судя по всему, Иллирио пригласил многих своих коллег-торговцев — других магистров Пентоса — на официальную встречу. В конце концов, его приезд вчера был довольно внезапным. Многие из них уже слышали, что помолвка между Дейенерис и кхалом Дрого была аннулирована, и новый повелитель Таргариенов пообещал защитить их от набега, который обязательно произойдет, когда кхал узнает, что не получит свою награду.

Все они к настоящему времени хотя бы мельком видели Фростфайра, летящего вокруг Пентоса. Любые опасения, которые у них могли быть раньше, были смыты при виде большого белого дракона. Уверенные в способности дракона сдерживать дотракийцев, они были более чем счастливы отпраздновать повышение ранга Таргариенов с появлением такого престижного новичка.

Это означало, что слуги вымыли и одели Эйгона так быстро и тщательно, что он был в некотором роде оцепенел. Он держал себя в чистоте — конечно же, он не был дикарем, — но он никогда не был так полностью... ну, вычищен дочиста.

Он сидел между Визерисом и Дейенерис, а Иллирио сидел с другой стороны от Визериса слева от них. Эйгон был одет в прекрасные одежды, как и его тетья и дядя, и, конечно же, Иллирио был одет в нелепо удобную одежду. Одевания Эйгона были черно-серебристыми. У Визериса были темно-зеленые с золотым, а у Дени — черно-красные.

Это было самое дорогое мероприятие, на котором он когда-либо был, и Эйгон понятия не имел, что делает. Однако Иллирио заявил, что это довольно просто. Этот ужин был чисто для

видимости, чтобы все Мастера увидели Таргариенов вместе в демонстрации единства.

Он был уверен, что Визерис предпочел бы быть где угодно, только не рядом с ним, но Дени рядом с ним была яркой и веселой. Рядом с ней был открыт сундук с драконьими яйцами; еще один символ их Дома. Три яйца на трех Таргариенов. Иллирио обдумывал идею устроить пир за пределами города, недалеко от Фростфайра, но Эйгон быстро убедил его, что дракон не потерпит такого количества людей.

Накануне она устала от долгого перелета, а посетителей было мало. Она бы очень быстро разозлилась на такое сборище.

Так что они не пировали рядом с драконом, но яйца были достаточно хороши для приличия.

Эйгон взглянул на Визериса, пытаясь уловить настроение дяди. Он слышал от Иллирио, что пожилой мужчина почти не выходил из своих покоев в течение дня, вместо этого размышляя в одиночестве после того, как отпустил девушку, с которой переспал прошлой ночью, от себя. Упомянутая девушка в настоящее время сидела рядом с Дейенерис, так как она должна была быть служанкой принцессы Таргариенов. Дореа, он узнал, что ее зовут.

Визерис, казалось, не заботился о том, что женщина, которую он уложил в свою постель, сидела всего в нескольких футах от него. Эйгону действительно было нечего сказать по этому поводу; По крайней мере, Дореа выглядела не более взволнованной, чем Визерис. На самом деле, она говорила с Дэни довольно приятно, и ему было приятно видеть, что они ладят.

Давно пора было, чтобы у Дэни были люди, с которыми она ладила в этом месте.

Его дядя с каменным лицом тихо приветствовал Мастеров и почти ничего не сказал. Когда они, наконец, оторвались от них, Эйгон попытался вовлечь в разговор Визериса.

— Хочешь завтра полететь со мной и Фростфайром?

"Нет."

Черт, он был уверен, что это сработает.

— Ты взял мою сестру сегодня на дракона?

Эйгон кивнул. «Она очень наслаждалась собой».

— Мне все равно, — сказал Визерис. Он наклонился ближе к Эйгону, чтобы что-то сказать себе под нос. — Ты можешь не говорить этого, но я знаю, что ты желаешь ее, племянник. Я тоже жаждал ее. Ты поэтому приехал в Пентос?

Эйгон оцетинился, но быстро обуздал свой гнев. Его голос стал тихим и отрывистым. «Я пришел сюда, чтобы присоединиться к вам обоим, дядя. Мы последние Таргариены в мире, и наша семья слишком долго была в разлуке».

— Может быть, но ты нас с трудом свел. Ты украл мое место, а теперь пытаешься забрать мою сестру себе. Я все равно сидел на Железном троне».

«Это исходит от мужчины, который прошлой ночью переспал с другой женщиной, чтобы выразить свое разочарование? Нет, я так не думаю».

Губы Визериса сжались, и Эйгон нахмурился. — Неважно. Я только хотел поговорить с тобой

по-доброму, Визерис. Если все, что ты хочешь делать, — это сыпать оскорблениями, я больше не буду тебя беспокоить.

— Мудро с твоей стороны не разбудить дракона.

Эти слова заставили мальчика вспыхнуть гневом. Он повернул голову, чтобы посмотреть на Визериса в лоб, и хотя его голос был тихим, его слова были яростными. «Я знаю, что ты уже бил ее раньше. Не заблуждайся, если ты снова причинишь ей боль, я отрежу тебе руки. Ты предупрежден».

Визерис заметно покраснел от гнева, но Эйгону было достаточно. Он отвернулся от дяди и перевел дыхание, пытаясь сосредоточиться на чем угодно, только не на другом Таргариене-мужчине. Он пытался быть рассудительным с Визерисом, но этот человек все усложнил. Эйгон знал, что с точки зрения его дяди все это было неприлично несправедливо. Его появление перевернуло мир Визериса.

Но он пытался дотянуться, пытался хотя бы быть добрым, а Визерис плевал на попытки. Эйгон мог сделать так много, прежде чем он мог бы с тем же успехом ползать у ног своего дяди, а он никогда бы этого не сделал.

Возможно, это было слишком рано. Он даст Визерису больше времени и попытается снова через несколько дней. Что ж, если бы он не разрушил их семейные узы из-за угроз ему, если бы он снова причинил вред Дени.

Эйгон вздохнул. Он должен был быть твердым. Не то чтобы он хотел оттолкнуть Визериса, но он никогда не потерпит, чтобы его семья причиняла друг другу боль.

Семь адов, как дядя Нед это сделал? Как он возглавил Дом? Это было утомительно, а Эйгон был главой всего один день.

Он почувствовал, как рука Дени скользнула в его и сжала. Он удостоил ее взглядом, и хотя она не смотрела на него, вместо этого продолжая говорить с Дореей, он сжался в ответ и черпал утешение от ее прикосновения.

Он вытерпит этот вечер, даст Визерису больше места и попытается снова через несколько дней... может быть, к тому времени его дядя будет более дружелюбен хотя бы к какому-то непринужденному разговору. Может быть.

Он надеялся.

Дени уже переделалась в ночную одежду, когда направилась в покои Джона, закрыв за собой дверь после того, как он позвал ее войти.

Она заметила его, стоящего у кровати, и смотрела, как он нервно оглядывается на нее через плечо. Ее взгляд прошел мимо него к огромной кровати, и она не могла не рассмеяться. Он взял несколько подушек и разделил пространство на кровати поровну посередине, обеспечив достаточно места для них обоих и барьер, чтобы обеспечить ее комфорт.

— Я... эм, — он прочистил горло. «Я действительно не знал, что еще делать».

«Я ценю твои усилия по сохранению моего целомудрия», — усмехнулась Дени и подошла к своему другу, наслаждаясь тем, как покраснели его щеки. «Ты выглядишь немного покрасневшим, Джон Сноу».

«Я еще не привык ко всему теплу».

«Здесь жарко для северного мальчика», — призналась она.

Он ухмыльнулся. "Знаете много северных мальчиков, не так ли?"

— Только один, — усмехнулась Дэни.

Легкость атмосферы длилась всего несколько минут. — Итак... ты говорил с Визерисом за ужином?

Веселье Джона угасло, и он вздохнул. «Он... я пытался пригласить его в полет с Фростфайром, но он просто не хотел в этом участвовать. Этот разговор пошел под откос почти сразу, как только я его начал».

"Как так?"

Он поджал губы. «Он обвинил меня в том, что я пытался украсть тебя. Теперь, когда твоя помолвка с кхалом Дрого закончилась, он хочет, чтобы ты принадлежала ему».

Дэни напряглась. "Что вы сказали?"

"Я сказал ему нет," ответил он. — Он уже сделал тебе больно; я не верю, что он будет тебе добрым мужем.

Джон, казалось, что-то обсуждал, прежде чем застонать. — Я... еще пригрозил отрубить ему руки, если он снова тебя ударит.

Она уставилась на него в изумлении. "Джон!"

— Я не собираюсь оставаться в стороне и позволять ему вымещать на тебе свой гнев, — упрямо сказал он. «Я сказал ему «нет», а затем предупредил его о последствиях. Я знаю, что это не поможет ему, но я не собираюсь подвергать тебя его... истерикам, чтобы стать на его сторону. Мы семья; мы так друг к другу не относимся».

Дэни вздохнула. — Ты, благородный дурак...

— Спасибо, — рявкнул он.

«Я никогда не говорил, что это плохо. Ты хороший человек, Джон».

Она подошла ближе и обвила руками его шею. Джон вздохнул и крепко обнял ее в ответ. Она скучала по объятиям. Он знал это.

«Хватит этого сегодня вечером», — сказала она ему. "Я устал, и хотел бы спать."

"Да."

«Спать означает лечь в постель».

"Да."

«...Я не хочу отпускать».

"И я нет."

На несколько мгновений воцарилась устойчивая тишина, прежде чем Дени наконец отстранилась и забралась на край кровати. Джон сделал то же самое, устроившись по другую сторону стены из подушек.

Как только они устроились, Дэни тут же разобрала стену, подложив им под головы подушки. Джон уставился на нее, когда она прижалась ближе к простыням и протянула к нему руки.

Сбивчиво дыша, Джон взял ее за руки и притянул к себе. Как только она оказалась достаточно близко, Дени толкнула его, и он лег на спину, глядя на него сверху вниз. Каждое прикосновение между ними было подобно удару молнии по ее нервам.

Она легла и свернулась рядом с ним. Они оба дрожали, когда она взяла его руку и держала ее. В темноте комнаты Джона ни он, ни Дени не осмеливались отвести взгляд друг от друга, пока их не взяло изнеможение, и они перестали бороться за то, чтобы не заснуть.

<http://tl.rulate.ru/book/80897/2471523>